

Ленинский комсомол умер, а Ленком еще как жив!

17 сентября театр отмечает свое семидесятилетие

Вера МАКСИМОВА

Нынешний Ленком истоком своим имеет Центральный Московский Театр Рабочей Молодежи. Сегодня в труппе Ленкома работает последний «трамвай» — старый актер 3.М. Шенякина. Оттуда — из сентября 1927 года — юбилейный отсчет.

Марк Анатольевич Захаров трамвайского периода не помнит, не может помнить. В свои 84 года он для этого слишком молод.

Зато хорошо помнит свой приход в коллектив.

«Я пришел в очень выгодный для режиссера момент, когда в театр никто не ходил. Мне вхождение было обещано безобразным положением театра», — говорит он, иронично смывая торжественность и патетику предыдущего собеседования.

Захаров не думает сказать, что на пост главного режиссера его благоволил трюкский колхоз «коммунистической» Москвы — Виктор Викентьевич Гримш. Посмотрев записки о «Разгромах» и «Тем», и необычайно восхищаясь. Фуршала, не забывала спавшаяся «Дождиком местом», была против. Гримши, победив, что новый главный исправится, при свидании наделил надежду, что Захаров будет теперь работать «без экспериментализма». Потом подумал и поправил себя: «С экспериментализма, но на правильном направлении».

Театр имени Ленинского комсомола всегда был театром резко сдвинутым и различаемым — по эстетике, по смыслу, по методам; слухом, замкнутым, вневременным восхождением. Не унывающий и не уничтожаемый Ванька-встанька, хоть и сказал о нем в своем бенефициозном Александре Шенякине: «Мы не столько функционировали, сколько агонизировали...»

О ТРАМВАЕ, учрежденный в конце 20-х годов (а одной толпой Москва им было около 40), был зван на учебно-агитационный театральный спектакль. Само движение было мимическим, диклось десятилетиями, полусамостоятельное, полупрофессиональное, в поисках нового искусства и нового актера, пока наконец не заглохло, не растерялось в сдвигшихся и блуждающих реорганизациях конца 30-х годов. ТРАМВАЙ былословно первый комсомольский секретарь, будущая жертва репрессий Александр Косарев. 600 деушек в кишиневской Москве по комсомольским путевкам пошли играть невиданный репертуар. Что за названия были! «Действие», «Клещи задушевные», «Женщина-товарищ», «Зоян фабрики», «Скрябину долина зная». Что за жанры рождались! Новая комсомольская опера, например, или спектакль — доклад диспут с живыми властолюбивыми. Серьезные, культурные люди увлекались трамвайским экспериментом. К ним в 1932 году режиссерами и педагогами пришли знаменитые мхатовцы — Суданов, Хмелев, Станислав, Ветляков, Соколов. Без ТРАМВАИ мы не имели бы прекрестного советского киномистра Николая Крюкова, ослепительного Валентину Серову, народного артиста Владимира Соловьева — первого комсомольского «Парня из нашего города» — Сергея Луконина.

Потом пришел Берсенецкий период — первого, выжившего залета, когда в переименованный в 1938 год Театр имени Ленинского комсомола активная группа актеров уничтоженного МХАТа-2. Предвоенный, военный, послевоенный вплоть до 1951 года этап, когда во главе коллектива встал мхатовец Иван Михайлович Берсенева, с волнением вспоминают многие на ныне живущих. По названию и в названии театр должен был проводить молодежную политику. Но ни Берсенева, ни Гущанкина, ни Гущанкина — Варьям в том комсомольцы не годились уже по возрасту.

Татьяна Пельцер и Евгений Леонов в «Имениальной молитве».

ИТАР-ТАСС

Молодежные спектакли возникали время от времени, о комсомольской специфике помнил не слишком. Здесь ставили классику. О катастрофе с МХАТОМ-2, о губительном театральном доме знаменитых актеров не говорили. Многие помнят и подражали. Уникальный театр в реабилитированном оказался в последнюю очередь. Берсенева — народный артист, лауреат, властный организатор — переживал театральные сдвиги: писал жизнеутверждающие статьи в центральных газетах, не уставая благодарить власть. Был порою, ослепительно красив, алегания в широкочелюстном нахальстве, с бабочкой, дорогой тростью. Но в повороте чеканного профиля, в складке губ, опущенных вывих на большой фотографии в фойе, необычайные для нас, юных, читались даже на печаль — горечь, усталость, скорбь.

О Берсеневином периоде театра Марк Захаров помнит многое. Но с «любимым драматическим ударением» провозгласит имя Анатолия Эфроса. Досыта наслаждаясь от власти (его волею «Оптимистическая трагедия», две обаятельные зрелищный оскла Революции, получили статус серьезных замечаний), Захаров оказался счастливым Эфроса. Он дошел, доработал до нынешнего времени. Оказался дипломатичней, сдержанней, хитрей? Или горестный опыт Эфроса вучил его искусству компромисса? Впервые Эфрос в Театре имени Ленинского комсомола Захаров называет «проявительным». Тогда в три кратких сезона рождался внезапно прекрасный театр — точнейшим внутренними токами сдвигавший в временем, проникающий в историю, в прошлое, в новые и новые художественные мифы Розова и Радзинского, Врекса и Булгакова. Эфрос сумел соединить молодых со стариками. У него великолепно сыграла в «Чаике» Аркадий Бяков Александров. Никогда больше не будет у нас такой разнообразной, разнородной талантливой труппы. И никогда уже не будет он так собою, так стесняясь творчеством...

Захаров получил другую судьбу, да-

ротором и собой, постановщиком, ему нужен посредник. Тип его драматургии — сценарий. Пьес в прозе и произведениях жанра Захаров не ставил. Иногда посредником (сочинителем сценария) становился сам.

В нем ошутимо желание переклассного, перасортированного на сцене. Оттого он работает с лучшими современными композиторами — Гладковым, Рыбниковым, Артемьевым. У него — один из самых лучших современных сценаристов — Олег Шейндис. И — несравненная по талантам труппа.

Он столько же собиратель, очевидный, сошедших дарований, сколько и открыватель их. Александра Абдулова — четверокурсника ГИТИСа, приглашенного на роль «В списках не значился», — безусловно открыл. За Олегом Янковским по «навезде» Евгения Павловича Леонова — адми специально в Саратов, записав на бумажках имя. Илья Чурин — пришла уже молодой, но сложившийся мастером, как пришла старшая Татьяна Пельцер, Леонов, Броневой, год назад — Армен Джигарханян.

Определился тип театра — синтетического, музыкального, шитецкого, и — тип актера Марк Захарова. Он ценит в актере особую нервную природу, «энергетику» и еще чувство юмора. Актер без юмора, то есть трезвого ощущения жизни и самоощущения, не его актер.

Раньше он ставил больше. И дело не только в возрасте, по времени, в деньгах. При том, что его театр любым отнюдь не бедным московским правительством, больше дух спектаклей в сезон Захаров не подает, а в спектакли без

А. Абдулов и А. Захаров в «Игроках».

Михаил ГУТЕРМАН

средств он не слишком верит. Праздник не создается с нетерпением.

Задание на улице Чехова стало театральной судьбой многих актеров и зрителейских поколений. Если вспомнить — в историю Ленкома — ошутима Бяков, в 40-е, 60-е, 70-е входила в здание бывшего купеческого клуба непохожие друг на друга режиссеры. Но переклассное былое и предостоящего совершалось через труппу. Никогда здесь никого не разогнали, не разделили. Захаров и теперь, имея сто человек в штате, не хочет ни с кем расставаться. Слишком трудное для художников время.

Мастер сложных пластических композиций, поэт ритма, строящий спектакль по законам живой музыки, он сохранил опору, почу в мастере-актере. В этом он преемник скромный и Берсенева, и великого Эфроса. Кажется, что из неведомого для него трамвайского времени проглянуло затишье — темперамент, и дерзость, и трогательность, и музыкальность. И краткое слово «Ленком» — короче, быть может, и не законно распространять будущие поколения — отсюда, от ТРАМВАИ, — звонкого и жизнеутверждающего, как удар в лавры.